

Михайлов В. Д.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, аспирантура

Специфика трактовки категорий «воля» и «грех» белорусскими мыслителями XVI-XVIII вв.

В белорусской интеллектуальной культуре XVI-XVIII вв. в результате синтеза публицистической и религиозной литературы были сформированы новые, и пересмотрены существующие представления относительно границ духовной свободы человека. И важнейшими категориями, которыми оперировали белорусские мыслители для объяснения этих границ, были «воля» и «грех».

Категория «воля» была рассмотрена Андреем Воляном в трактате «О политической или гражданской свободе». Он писал: «Хотя человек и получил от матери природы хорошие разумные и физические задатки, которые, кажется, и составляют действительное счастье, однако в условиях отсутствия свободы эти задатки не могут нужным образом исполнить своё предназначение и могут пленить человека» [3, с. 12].

Также и Симон Будный доказывал, что человеку от природы даётся свободная воля, и каждый сам выбирает свой жизненный путь. Но если человек привязан к земным вещам, значит, он уже несвободен: «Ибо кто на кого имеет надежду, тот и есть его Бог. Например, если кто полагается на богатства, то значит, их себе на место Бога поставил» [7, с. 176].

Фауст Социн доказывал, что в душе человека происходит постоянная борьба между добром и злом, и что человек посредством свободной воли способен

самостоятельно выбирать сторону. И так как человек обладает свободной волей, управляющей умом и моралью, то в «спасении» человека, в достижении счастья определяющую роль играют не внешние обстоятельства, а свободный выбор человека [см. 4, с. 143].

В «Толковании молитвы» Лаврентий Зизаний указывал, что идеал свободы выражен в первом стихе «Отче Наш»: «Да будет воля твоя, яко на небеси и на земли. А двух вещах здесь просим. Во-первых, чтобы нам дал Бог по воле своей все добродетели творить [...] А во-вторых, чтобы не только в нас самих, но и на всём свете воля его святая выполнялась, а лесь еретическая и злость греховная чтобы была до конца искоренена» [7, с. 223].

Категория «греха» трактовалась белорусскими мыслителями XVI-XVIII вв. как главная причина человеческой «неволи», как «внутренний неприятель», который препятствует обретению свободы. Истинная «воля» достигается, по их мнению, в результате контроля «вечной и бессмертной» души над «привязанной ко всему земному», «тленной и грешной» телесности.

Франциск Скорина, например, в предисловии к «Третьему соборному посланию апостола Иоанна» учил о том, что «когда мы освобождаемся от грехов, то действуем на пользу свободы и правды. Если же мы освобождаемся от истины, то работаем ради умножения грехов» [8, с. 79]. Причину такого положения гуманист видел в грехопадении прародителей: «От начала века, когда Бог создал первого человека, написал этот закон в его сердце. Поэтому Адам и Ева, прародители наши, осознали свой грех, что не послушали создателя своего и скрылись от глаз Бога среди райских деревьев. Каин также смог осознать свой грех, что убил брата своего Авеля, потому что сказал: "Беззаконие моё велико, чтобы о милосердии молить" (Быт. 4:13). Таким же образом и теперь каждый

отдельный человек, имеющий ум, познаёт, что непослушание, убийство, прелюбодеяние, ненависть [...] и тому подобное – есть зло. Ведь никто не хочет получать таких вещей от других» [8, с. 58].

Андрей Волан в противоположность свободе изобразил неприглядную сущность неволи, которая должна вызывать отвращение у людей. Он говорил, что неволя есть Божественное наказание людей за их грехи, что главная причина неволи заключается в человеческих страстях. Он называл неволю результатом испорченности человеческой природы, отклонением от естественного свободного состояния человека: «Лакомство и жажда господства – плоды испорченной природы – войны между людьми породили, за которыми злая неволя, как тень за телом своим ходила» [цит. по 9, с. 77]. Андрей Волан не считал свободными тех людей, которые посягали на чужую свободу, т.к. такие люди, не властвуя над своими страстями, по сути дела являются «невольниками своих низостей» [см. 9, с. 79]. В своём трактате «О политической или гражданской свободе» белорусский мыслитель писал: «необузданная безнравственность человека является главной причиной рабства» [3, с. 17]. А в труде «Про государственного мужа и его добродетели» отмечал, что «человек должен достичь такой степени сознания, чтобы его удерживал от злых поступков не страх перед Божественным судом, а любовь к Богу и смирение перед Божественной волей» [1, с. 520].

Лев Сапега определяет грех как «внутреннего неприятеля», который препятствует обретению свободы: «Человек не должен допускать господства над собой и внутреннего неприятеля» [7, с. 216].

Одной из причин несвобод Николай Гусовский в своей «Песне про зубра» видел в том, что люди привязаны к материальному больше, чем к духовному: «вижу я с

величайшей для себя скорбью [...] что выдающиеся умы совершенно не уважаются. Они из-за материальной бедности не могут себя проявить. Я вижу также, что есть немало людей, обладающих и богатством и талантом. Но они замечают, что учёные, художники и поэты так мало ценятся, что стремятся больше обогатиться, чем облагораживать душу» [2, с. 29].

В «Катехизисе» Сымон Будный показывает значение духовных законов для обретения свободы от греховности: «Вопрос. Для чего Господь Бог дал закон, или заповеди свои? Ответ. Чтобы каждый знал, что есть грех, а что – хорошее дело. Так святой апостол пишет: «Я не иначе узнал грех, как посредством закона» (Рим. 7:7). А на другом месте говорит: “Ибо законом познаётся грех” (Рим. 3:20). Вопрос. Для чего Бог так разделил заповеди свои? Ответ. Для того чтобы знали, что должно делать Богу, а что – ближнему. Первая доска нас учит, как надо относиться к Богу. А вторая показывает, как нужно любить ближнего своего, “ибо кто на кого имеет надежду, тот и есть его Бог. Например, если кто-то полагается на богатства, то значит, их себе на место Бога поставил”» [7, с. 176].

Рассматривая категорию греха, белорусские мыслители по-новому осмысливали традиционную проблему для христианской культуры – первородного греха, в соответствии с которой считалось, что грех Адама мистическим образом передаётся всем поколениям и приводит людей к неволе. Сымон Будный говорил, что в результате грехопадения прародителей, человек лишился «образа и подобия Божьего» и превратился в «скота неразумного» [цит. по 6, с. 122]. Но люди не лишились воли, однако их добрая воля, которую им сначала дал Бог, сменилась на злую волю: «Ведь и в нас есть воля, но не Божественная воля. А потому мы сами от рождения

являемся злыми, ибо воля наша стремится стать злой и богопротивной» [цит. по 6, с. 122-123]. Сильвестр Косов говорил, что «первородный грех – это потеря прежней невинности ... он стёрт святым крестом, хотя склонность к злу осталась у нас и после того» [цит. по 5, с. 183].

Таким образом, белорусские мыслители XVI-XVIII вв. при трактовке категорий «воля» и «грех» акцентировали внимание на зависимости человеческой воли от способности воздержания от греха; на противостоянии душевной и телесной природы, на необходимости борьбы со страстями для обретения духовной свободы, на опасности превращения свободы в «неволю». Они рассмотрели неволю в теологическом контексте и определили её главные причины – дурные человеческие страсти, испорченность человеческой природы, отклонение от естественного свободного состояния человека, которым прародители обладали до грехопадения.

Список литературы:

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ.; падрыхт.: А. І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 1015 с.
2. Беларуская літаратура : хрэстаматыя / склад.: У. В. Адамчык, М. В. Адамчык. – Мінск: Сучас. літ., 2004. – 1007 с.
3. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волян; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск: Выд. Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
4. Падокшын, С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшын; Акад. навук

Беларус. ССР, Ін-т філасофіі і права. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.

5. Саверчанка, І. В. Aurea mediocritas: кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І. В. Саверчанка. – Мінск : Тэхналогія, 1998. – 319 с.

6. Саверчанка, І. В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 463 с.

7. Саверченко, И. В. Памятники литературы Беларуси X–XVIII веков / И. В. Саверченко. – Минск: Беларус. Энцыкл., 2013. – 462 с.

8. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына; уклад., прадм., пер. на беларус. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 110 с.

9. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века / С. Ф. Сокол. – Минск: Наука и техника, 1974. – 142 с.